

ЭДУАРД
ЛИМОНОВ

МОНГОЛИЯ

Эдуард Вениаминович Лимонов

Монголия

Серия «Публицистический роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18527622
Монголия / Э. Лимонов: Питер; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-4461-0553-3

Аннотация

«Я дал этой книге условное название “Монголия”, надеюсь, что придумаю вскоре окончательное, да так и не придумал окончательное. Пусть будет “Монголия”».

«Супер-маркет – это то место, куда в случае беспорядков в городе следует вселиться».

«Когда я работал на заводе “Серп и молот” в Харькове, то вокруг был только металл... Надо же, через толщу лет снится мне, что я опаздываю на работу на третью смену и бегу по территории, дождь идёт...»

«Отец мой в шинели ходил. Когда я его в первый раз в гражданском увидел, то чуть не заплакал...»

«Кронштадт прильнул к моему сердцу таким ледяным комком. Своими казарменными пустыми улицами, где ходить опасно, сверху вот-вот что-то свалится: стекло, мёртвый матрос, яблоко, кирпичи...»

«...ложусь, укрываюсь одеялом аж до верхней губы, так что седая борода китайского философа оказывается под одеялом, и тогда говорю: “Здравствуй, мама!” Ясно, что она не отвечает словесно, но я, закрыв глаза, представляю, как охотно моя мать – серая бабочка с седой головой устремляется из пространств Вселенной, где она доселе летала, поближе ко мне. “Подлтай, это я, Эдик!..“»

Ну и тому подобное всякое другое найдёте вы в книге «Монголия».

Ваш Э. Лимонов

Содержание

«Монголия»	6
Предметы	9
О металлическом	13
Шинель	16
Политическое теле-шоу	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эдуард Лимонов

Монголия

© ООО Издательство "Питер", 2017

Книга публикуется в авторской редакции.

Я дал этой книге условное название «Монголия», надеясь, что придумаю вскоре окончательное. Да так и не придумал окончательное.

Пусть будет «Монголия».

С географической местностью и одноимённой страной книга не имеет ничего общего.

Автор

«Монголия»

Я покупаю себе продукты в супер-маркете под названием «Магнолия». Скорее дорогой, но ближе ничего нет, потому в «Магнолии», время дороже денег. Или пацаны из службы безопасности покупают. В просторечии мы называем «Магнолию» Монголией.

Кто-нибудь уже воспел супер-маркет?

Супер-маркет это то место, куда в случае беспорядков в городе следует вселиться. Правда, гипер-маркет – ещё лучше, там и одежда есть. Но даже обычного в шаговой доступности супер-маркета небольшой группе восставших на некоторое время хватит. У них же в нормальное время может тысячи покупают, поэтому группе человек в полсотни будет чем питаться с неделю где-то.

Только командиру нужно будет алкоголь весь под личный контроль сразу взять. Складировать в отдельном помещении, закрыть на замки, да и часовой будет не лишним.

Ещё нужно будет назначить интенданта. Чтобы всё имеющееся в наличии довольствие разумно делил и организованные завтраки-обеда-ужины чтобы равноправно и всем без исключения поступали.

Девушка тут не лучший вариант. Лучше – тупой мужлан. С кулаками, потому что когда продовольствия станет в обрез, а то и не хватать, тут придется разумную силу приме-

нять.

Пока беспорядков нет, заезжаем в Монголию раз в неделю. Раньше я делал это возвращаясь с радио «Русская Служба Новостей», где как раз раз в неделю у меня была программа.

Большой Серёжа по кличке «Мэр» хромая, впереди, большой Саша по кличке «Богер» – сзади, я – посередине, заваливаемся в Монголию. Время уже где-то полдесятого, всё хорошее уже купили. Тележку я хватаю и идём, смеющимися и прокладывающими матом свои остроты, мужланами.

Продукт номер один «курица свежеубитая, цельная», около 1,5 кг. Тотчас же влево выбираю себе красное вино. В пределах трёхсот рублей, больше позволить себе не могу, хотя толк в вине понимаю. Бутылки три, много мне нельзя, по грамм двести вина в день. Три лимона обычно, три помидора свежие, три яблока самые кислые. Из всего этого я сооружаю нерусские салаты в течение недели.

Иной раз печень говяжью покупаю. Всегда лук зелёный, укроп, кинзу если есть. Петрушку не люблю, она жёсткая. Бергамот, если есть, но он редко есть.

Творог покупаю, брикета три. Творог ем, посыпая сахаром. Чего ещё? Да вообще-то и всё. Хлеба мало ем, лаваш тонкий покупаю или $\frac{1}{2}$ бородинского.

Ну, аксессуары забыл. Морковь покупаю немного, чтоб не ссохлась, морковь я кладу в куриный суп или в куриный бульон. Чеснок покупаю, я его тоже в суп разрезаю, прямо с

кожурой, она даёт куриному бульону характер.

Хорошо если бросить больше полстакана вермишели. В самом конце, две минуты варить, ну три.

Картошку я теперь крайне редко. Но если да, картошку, то вымою и целиком варю, чтоб потом, разрезав посередине, в неё сливочное масло. После войны нечищеную картошку называли «в мундире». У нас, в нашей местности, в Харькове называли «в мундире», а у Вас, в Вашей?

Заплатив, побалагурив с кассиршами, выкатываемся из Монголии. Раньше я ещё себе четвертинку порой покупал, чтоб перед сном за обедом. Но после нейрохирургической операции, когда побывал одной ногой на том свете, четвертинки не покупаю, оберегаюсь.

Обязательно наступит время, когда придётся оккупировать супермаркеты. Может, ещё и я доживу. Оккупировать – неизбежно, до того всё довели. И усадьбы придётся грабить. Как они там сейчас называются? Коттеджный посёлок?

Предметы

Когда я был молодой, я бывал в домах всяких корифеев и гениев культуры в России, в Америке и, особенно, во Франции. Дома у них было интересно. Диковинные экзотические вещи: африканские скульптуры, яркие и загадочные картины, тревожные артефакты, зелёные древности, странные редкие книги.

Теперь и у меня всё это есть. Как я ни противился, как ни противилась моя жизнь этим накоплениям, они появились и я вынужден таскать их с квартиры на квартиру.

Революционный по сути своей, мой дух заставляет меня их время от времени прорезживать. Так, я вдруг решил выбросить из моих книг все романы, и российские, и на языках. Но чистки мало помогают, мне немедленно надаривают новых книг, и «эта песня хороша, начинай сначала». Я их складываю на полках, а они и так трещат от изобилия.

И это я, который предметы ни во что не ставит, который по смерти последнего родителя – матери, чего и взял из книг, так это советскую «Историю военного искусства» в трёх томах, да томик Багрицкого, и то потому, что отец меня назвал в честь Багрицкого Эдуардом.

И не взял собрания сочинений Блока и Есенина, и даже не проявил сентиментальности, не увёз с собой «Красное и Чёрное» Стендаля с пятнами моей собственной крови, юно-

шей я врезал себе вены над этой книгой.

Железный человек, я всё-таки оброс предметами, хотя и не до такой степени как большинство моих соотечественников. Признаюсь, что оброс. Как посещённые мною в моей жизни все эти старые эксцентричные корифеи и гении, презираемая мною интеллигенция.

Я столько раз терял всё! Так, оставленные мною у Мишеля Бидо книги и вещи сжёг за одну зиму в камине поселившийся во флигеле под Парижем отставной солдат Иностранного Легиона, – Мишель уехал в Таиланд и когда через три месяца не вернулся, «гргргю» – владелица флигеля сдала его солдату.

Солдат как полагается легионеру, был груб и книжек не читал. Вначале он употреблял для растопки камина мои русские книги, потом употребил рукописи и перешёл на мои французские издания. Легионеры же не читают книг, и правильно делают, книги только пыль собирают. Впрочем, я знал писателя – историка Иностранного Легиона, парадоксально, но факт, он был тщеславным, невозможно хвастливым, много пил и ходил в белом пиджаке. Мы были вместе на каком-то литературном сборище и сидели с другими писателями в шатре на берегу Средиземного, город назывался Вилль де Франш, так как-то. Мы там жутко напились с этим солдафоном. Потому что холодно дуло с моря. Ещё, вспоминаю, у него было красное лицо. Не загорелое, но красное, может быть от выпитого.

Когда мне был 21 год, меня друг мой Бахчанян повёл к художнику Василию Ермилову. Художник жил на чердаке где-то на улице Свердлова. Когда-то ему дали этот чердак. Он его постепенно перестроил и сделал удобным. Но умер как все. Поэтому чего устраиваться, всем нужно пользоваться временно. Не рекомендую устраиваться.

У Ермилова были сундуки, а в сундуках – старые всякие рисунки и старые книги 20-х годов. Помню книжку поэму Хлебникова «Ладомир» с иллюстрациями Ермилова и книжку Елены Гуро. Кажется, это были книжки авторские, в одном экземпляре. Мне нравился Хлебников очень, но ещё и потому что он был кочевник, не был оседлым. Ермилов был оседлым. Я не особенно рвался к нему после, и дело тут не в таланте, талант у него был и немалый, а в том, что он был оседлый.

Я начал с того, что мол бывал в разных домах. Уже в 70-х я бывал у Лили Брик с Катаняном, и в московской квартире, и на даче в Переделкино. Они тоже были оседлые, а мне хотелось прожить мою жизнь то тут, то там, ничего не заводя себе и не покупая.

Так и вышло. Видимо очень хотел, чтоб не заводя и не покупая. Позднее у меня появился опыт, который подкрепил меня в моём отношении к вещам, предметам и местам обитания.

В 1976–1977 я поработал грузчиком в Нью-Йорке. Компания у нас была мелкая, всего один грузовик, «трак» как его

по-американски называли, и мы специализировались в перевозках граждан. Мы были дешёвой компанией и нас нанимали небогатые люди. Часто мы вывозили мебель и пожитки умерших владельцев квартир, туда куда могли и хотели их вывезти наследники. Порой – на свалку. Несколько раз мы вывозили разведённых. Ну так у них на коробках было забавно написано: «шузы Питера», «шузы Сьюзен», «кухня Питера», «кухня Сьюзен».

Однажды мы вывозили красивую и печальную девушку с ребёнком из квартиры в центре города в жалкую квартирку где-то в Квинксе. Она была заплаканная и ребёнок все время кричал.

Но особенно запомнилось как наследники безжалостно избавлялись от самых дорогих их умершим родственникам памятных предметов-воспоминаний: фотографии, письма, засушенные цветы, комичные старомодные открытки. Всё это безжалостно сваленное в картонных ящиках, мы по требованию новых жильцов-родственников, в лучшем случае выставляли на край ближайшего тротуара.

Тогда я скрипя зубами, мне было жалко прошлого этих людей, подкрепился в своём желании ничего не иметь. Однако, вот даже довольно внушительный камень привёз себе из Карабаха. В аэропорту в Ереване у меня хотели его отнять, но удалось отстоять камень.

О металлическом

Хотелось мне написать о чём-то металлическом. И тут в ответ на моё желание на соседней крыше вначале стали носить новенькие железные оцинкованные листы по десятку метров длиной и их складывать, закрепив за трубы.

Затем бригада из восьми чертей-киргизов стала срывать старые листы с крыши.

Вот и получил я металлическое.

Почему мне металлическое понадобилось? А потому что человек жидок и противоположен металлическому.

Человек вообще даже листом бумаги, бывает, порезывается. И кровь из пальцев выступает.

Человек гармонично взаимодействует только со схожей плотью. Рукопожатие, например.

Или ещё человек свободно и приспособленно входит в самку. Она другой модели, но материал один.

А металлическое его ранит. Недаром мечи были металлические: медные, затем железные, чтобы наносить увечья и приносить смерть человеческой плоти.

Несколько дней подряд я смотрел как они листы по крыше носят туда-сюда, как танец с ними исполняют.

Киргизы с листами.

Танец их был на фоне облаков и туч, иногда голубого неба, но только иногда.

Какой-нибудь Гёте, в камзоле и при чулках, написал бы: «Киргизов помнишь танец смелый...?» для какой-нибудь юной фон Левецов, на которой он собирался жениться...

Когда я работал на заводе «Серп и молот» в Харькове, то вокруг и был только металл. Мы его и варили в небольшом ковше и потом оббивали металлические детали с так называемой «ёлки», где они действительно, как игрушки висели. Мы их сбивали алюминиевыми кувалдами сидя на корточках. Дело в том, что оббивать детали с ёлки должен был сжатый воздух, для этого должен был служить немецкий ящик, куда ёлка помещалась. Но сжатый русский воздух видимо был недостаточно сжат и силёнок у него не хватало.

Поэтому мы сидели на ящиках у конвейера, поставлявшего нам беспрестанно ёлки ещё в корке от состава, куда мы его заливали и алюминиевыми кувалдами обрубывали с ёлок детали. Юрка, дед Серёга и я. Мы назывались обрубщиками. Дед Серёга, я полагаю, давно уже умер, ему тогда уже было лет пятьдесят, а прошло с тех пор 54 года, не мог же он жить больше ста лет. Юрка-боксёр, у него была хорошая улыбка на широкой простодушной морде, тоже думаю уже не жив, поскольку добрый и компанейский парень был, и постоянно попадал как тогда называли «в компании». А какие компании в рабочем посёлке? Ясно, что плохие. Так что 99 шансов из ста, что Юрки тоже уже нет.

Ёлки у нас шли опять в переплавку. Детали, в том числе и

коленчатые валы шли в моторы сельхозмашин и танков. Те моторы, которые для танков, поступали на завод Малышева, он не так уж далеко был расположен.

За несколько дней пока киргизы танцевали на крыше с листами, я вспомнил горы металлолома и магnezии у нашего цеха, лица моих товарищей из цеха точного литья, и загрустил.

Завод тот уже лет десять как разрушили, цуки, гады, чтобы им пусто было. Только в моей закопчённой памяти он остался, лежит погруженный.

Надо же, через толщу лет завод нет-нет и даёт о себе знать. Снится мне, что я опаздываю на работу на третью смену и бегу по территории, дождь идёт. По металлолому и магnezии вбегаю в открытые ворота цеха, а там наши гаврики уже все собрались, и ковш красный... И бригадир Бондаренко в брезентухе сидит, улыбается, кефир пьёт...

Металлического хочется. Хоть оцинкованный лист в эту книгу вставляй. А что, может и попрошу вставить, если это технически возможно.

Шинель

Ничего лучше суконной солдатской шинели я не носил. И запах от неё был мужественный. Последняя по времени шинель привезена была мне в Paris, Франция, где-то во второй половине 80-х годов, а ещё точнее, кажется в..., нет, вспомнить не могу уже.

Шинелей нам с Натальей Медведевой прибыло две, одна голубая, большая, офицерская, отошла ей, потому что она, Наталья, была большая девка: 179 сантиметров росту. Мне досталась солдатская, с чёрными погонами стройбата и золотистыми буквами СА (Советская Армия) на чёрных погонах.

Я долго выглядел молодым, даже в пятьдесят пять ещё. Поседел я уже в тюрьме, после 58-ми, так что солдатскую шинель я носил нормально, она мне была к лицу.

Я в ней как родился, так я себя почувствовал, и носил её на снимая. А в 1987-ом поехал в ней в Будапешт, немчуру там в советской шинели пугал. По этому поводу рассказ есть.

Есть фотография, она пошла на обложку книги Каррера «Limonov» в карманном формате Folio, я сижу в шинели, а вокруг – чёрная ночь Парижа, и внизу Сена течёт, это остров Евреев, где сожгли магистра ордена тамплиеров и оттуда с костра он послал своё ставшее роковым проклятие королевскому роду Валуа. Снимок обозначен как 1968 год, так ничего подобного, это 1986-й и Paris. Фотографию делал Же-

рар Гасто, хромой упрямец-фотограф агентства Sipa.

Сукно вообще ткань здоровская. И тёплая, и волосатая, и сушится, если промокнет, быстро. Да и промочить её нелегко. Шинель ввёл в российской армии белый лебедь наш, император Павел Петрович, иначе говоря, Павел Первый, которого оболгали, ошельмовали и обесчестили.

До Павла русская армия жила, передвигалась и воевала в мундирах. Под мундиры поддевали что у кого было. Где Павел выудил модель шинели, чёрт его знает, может у шведов, там же холодно.

Отец мой в шинели ходил. Когда я его первый раз в гражданском увидел, то чуть не заплакал. Шинель удобна тем, что на одну полу солдат ложится, другой – укрывается, – говаривал мой отец, видимо и не подозревавший, что принадлежит к роду русской военной аристократии, а не просто так...

Когда я в Париже укрывался своей шинелишкой стройбата, то покойно было так, словно защищён стал.

Вот почти анекдот. Как-то я где-то в районе Монмартра иду. У метро два работяги в краске все стоят и по-польски разговаривают. Увидели меня и замолчали. Я уже мимо прошёл, а они молчат. Я оглянулся, – стоят с испуганными лицами, решили, что русские и в Париж пришли.

А в Вене мы зашли в забегаловку на окраине шнапса выпить, так там тоже воцарилась тишина. Стоим у бара, а сзади где все галдели, вдруг – тишина. Вена помнит русские шинели, мы от них только в 1955 году ушли. Окружили потом,

побить пытались.

Нас, на самом деле, крепко держит в своих руках прошлое, от моего отца до Павла Первого – один шаг. Через суконную серую шинель связь. Я их с дырками на груди видел, выстиранные от крови, но дырку не скроешь. Заштопать можно, конечно. Немецкие, вермахта, те грязно-зелёные были и качеством понежнее. Русское обмундирование поглубже, но и выдержит больше, если не всё. Шинель, сапоги.

Политическое теле-шоу

Действующие лица и исполнители:

Профессиональный украинец (ремонтирует в Москве квартиры, подрабатывает на телевидении).

Профессиональный поляк (молодой человек с однообразно коротко стриженной головой и такими же коротко остриженными идеями/мыслями).

Профессиональный либерал (худой молоденький истерик, давно сжёгший все мосты с реальностью и пошедший во враги народа как люди идут в ассенизаторы, с таким же вызовом окружающим: «Да, я воняю!»).

Профессиональный германец (этот начитался иностранных устарелых книжек о фашистах, Дугине и обо мне и демонстрирует свои древние знания, обрушивая в зал детали событий которых никто не помнит. Подражает профессиональным украинцу и поляку).

Профессиональный знаток ислама, российский, но знает кто вакхабит, кто салафит, и щёлкает кавказскими фамилиями.

Профессиональный отставной генерал ФСБ. Толстый, хромой, у него палка.

Профессиональный серьёзный депутат ГосДумы (этому дают слово вне очереди и как угодно долго).

Профессиональный зловещий депутат ГосДумы. У него

связи не то в ФСБ, не то в ГРУ, не то в СВР, а может и в МВД. Все его опасаются.

И я, одинокий ум.

Всё. Начали!

Обсуждаем последнее высказывание Арсена Авакова.

На экране Арсен Аваков. «Якщо ми бачино у Москві...»

Ведущий. Упоенный собою. Говорит за всех, больше благоволит противной нам, антирусской стороне. Не потому что им симпатизирует, а потому что ту сторону следует телевизионно победить. Им он даёт больше времени и ласково называет всех по имени «Слава» и «Томаш», «Ганс», «Шурик»... Ведущий бы и без нас справился. Это напористый чел с крепким рукопожатием. Он дотошный и вьедливый.

– Нет, вот ты мне скажи, Ганс, что, в Германии все симпатизируют Украине?

Ганс хорошо говорит по-русски, но у него большое мясистое тело и можно уверенно утверждать, что он обжора. И как таковой он более ленив чем среднеупитанный гражданин.

Все орут. Поскольку ведущий упоён собой, он исполняет свои арии как угодно долго, а мы оставленные без слова, хотим же обратить на себя внимание.

Я кричу поляку: «Томаш, Томаш, ты что им простил Волинскую резню? Они же вас там от 80 до 150 тысяч поляков

вырезали, ваши любимые укры... Томаш!»

Томаш слышит, но что он может сказать, что так и было?

За него вступается «Слава»:

– То когда было!

– Да не так уж и давно. (Я).

Ведущий:

– Прошу Вас посмотреть, как в этом украинском городе избивали 9 мая прорусских демонстрантов.

На двух экранах нам показывают, как здоровенные бывшие афганцы (участники войны в Афганистане) как раз избивают сторонников и участников АТО – членов украинских батальонов. Телеканал ошибся идентифицируя участников, ошибается и ведущий: не намеренно, но ошибается.

Я не вмешиваюсь с моей поправкой, что всё наоборот, что слева наши, а справа ихние, и что это наши избивали ихних. Хотя я уже видел эти кадры и знаю, что всё наоборот. Двумя гелиосферами со зрителями дирижируют две злые тётки – массовики-затейники. Залом манипулируют с помощью двух средств: аплодисменты и крики «бу-бу-уу!»», означающие неодобрение.

Когда я, распоясавшись, начинаю угрожать профессиональным украинцу и поляку, я в порыве нахлынувшего боевого духа оборачиваюсь и кричу зрителям за моей спиной:

– Что, подмогнёте им морды бить?

Зрители за моей спиной кисло не одобряют меня, потому что не одобряет руководящая ими массовица-затейница.

Они потому послушно не одобряют меня.

В перерыве мой охранник Серёга (он на всякий случай сел в зале за моей спиной) слышал, как массовица кричит на зрителей и угрожает не заплатить им причитающиеся тугрики...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.